

© Tractus Aevorum 5 (1). Весна 2018: 50–75

УДК 339.1(470)(09)

DOI 10.18413/2312-3044-2018-5-1-50-75

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТОРГОВЛИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

**(От Городового положения 1785 г. до
Гильдейской реформы Е. Ф. Канкрин 1824 г.)**

Г. Н. Ульянова

Институт российской истории РАН
Россия, 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19

Аннотация. Автор анализирует эволюцию представлений о социальном и экономическом статусе купечества в период возрастания его роли в экономике в 1785–1825 гг. на основе изучения законодательных практик Российской империи. Изменения в законодательстве и организационной структуре оказали важное влияние на торговую деятельность. В работе рассмотрены такие ключевые законоположения, как Городовое положение 1785 г., Манифест 1807 г. и закон 1824 г. «Об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний». Также уделено внимание вопросам регламентации торговли в Москве в конце XVIII – первой четверти XIX в. и налогообложения торгующих лиц разных сословий. Автор приходит к выводу о том, что в изучаемый период происходила институционализация торговли в России, что следует считать одним из признаков становления внутреннего рынка в стране.

Ключевые слова: предпринимательство, купечество, торговля, законодательство, история России XIX века, имперская Россия.

Copyright: © 2018 Ульянова. Данная статья публикуется онлайн в сетевом научном журнале открытого доступа “Tractus aevorum” на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять эту работу с обязательным указанием ссылок на ее автора и оригинальную публикацию.

Адрес для корреспонденции: Г. Н. Ульянова, Институт российской истории РАН. Россия, 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19. E-mail: [galina.ulianova\[at\]gmail.com](mailto:galina.ulianova[at]gmail.com)

COMMERCIAL LAW IN THE RUSSIAN EMPIRE (From the Charter of 1785 to the Towns to the Guild Reform of 1824 by E. F. Kankrin)

G. N. Ulianova

Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences
Dm. Ulyanova ul., 19, Moscow, 117292, Russia
E-mail: [galina.ulianova\[at\]gmail.com](mailto:galina.ulianova[at]gmail.com)

ISSN 2312-3044 | <http://belsu-tractus-aevorum.ru>

Abstract. This article analyses the evolution of ideas about the social and economic status of merchants by examining the commercial legislative practices in the Russian Empire in the period of their growing weight in the national economy between 1785 and 1825. Changes in legislation and institutional arrangements during this period had a significant impact on traders' activity. This article explores such key acts as the Charter of 1785 to the Towns of the Russian Empire, the Manifesto of 1807, and the Statute "On the Structure of Merchant Guilds and Trade Procedures for Other Estates" of 1824. The article also addresses trade regulation in Moscow in the late eighteenth through the first quarter of the nineteenth century and the role of shopkeepers of all social origins as taxpayers. It concludes that at the turn of the nineteenth century, there was an institutionalization of trade in Russia that signaled the formation of a national market.

Keywords: entrepreneurship, merchants, trade, legislation, nineteenth-century Russian History, Imperial Russia.

Период конца XVIII – первой половины XIX в. традиционно в историографии истории России обозначается как переходный. В советское время при формационном подходе к изучению исторических явлений он считался рубежным между феодальной и капиталистической формациями (*Переход от феодализма к капитализму в России* 1969). Несколько десятилетий продолжается оставшаяся незавершенной и на время затухшей дискуссия о хронологии промышленной революции в России. При этом экономическая история конца XVIII – первой половины XIX в. пока не получила должного внимания в историографии. Это произошло потому, что теория общественно-экономических формаций, господствовавшая в отечественной историографии около 60 лет (1930-е гг. – 1980-е гг.), определяла и институционализацию науки – было неясно, должны ли заниматься периодом конца XVIII – первой половины XIX в. специалисты по феодализму или специалисты по капитализму. В результате изучение социально-экономических реалий эпохи попадало в институциональный провал, несмотря на успехи в исследовании декабристского движения, войны 1812 года и дворянства. В последние 20 лет историки только начинают восполнять этот пробел.

Перед исследователем при изучении законодательного регулирования торговли стоит несколько задач.

Во-первых, показать положение купечества как основной группы населения, занимавшейся торговлей, – его социальные и экономические права, уровень налогообложения.

Во-вторых, рассмотреть, как происходило общее регулирование торговли. Какие виды торговли различало законодательство? Как регулировалась торговля по сословному признаку, то есть по отношению

к различным группам торгующих – купечеству, мещанству, крестьянству? Какими видами товаров разрешалось торговать представителям разных сословий? Как соотносилось налогообложение с объемом торговли и видами товаров? Как в крупном городе (каким была Москва) регулировалась торговля в разных частях городской территории – в центре, за пределами центра, на окраинах?

В статье представлен материал, имеющий отношение как к торговле в Российской империи в целом, так и непосредственно к торговле в Москве, которая была одной из двух столиц и в документах изучаемого периода нередко называлась «Московской столицей». В это время Москва являлась крупнейшим мегаполисом, население которого в разные десятилетия изучаемого периода составляло 200-335 тыс. чел. Чтобы обеспечить горожан пищей, одеждой, прочими предметами повседневного спроса¹ и предметами долговременного пользования и роскоши, существовала и развивалась разветвленная и многоуровневая система торговли. Одновременно с развитием этой системы происходило ее законодательное регулирование, эволюцию которого мы рассмотрим в нашей работе.

Краткое историографическое вступление

Изучению торговли в Российской империи в конце XVIII – первой четверти XIX в. уделено мало внимания в историографии. Пожалуй, только в многотомной «Истории Москвы», изданной Институтом истории АН СССР в конце 1940-х – начале 1950-х гг., она была рассмотрена с научных позиций в главе «Торговля в Москве», написанной К. В. Сивковым (1954, с. 256–291). В работе были вкратце проанализированы общие параметры московской торговой сети – структура, виды рынков и торговых заведений, разносная торговля; даны обзорные сведения о статистике поступления основных продуктов питания в 1811, 1830–1833, 1840 гг.; представлена бытовая история торговли (на сведениях из очерковой и мемуарной литературы, вышедшей из-под пера И. Т. Кокорева и П. Ф. Вистенгофа); сделан на основе доступных источников (Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VI. Московская губерния. СПб., 1853) оценочный расчет объемов торговли в дореформенный период по материалам 1840 г.; показано участие московских торговцев во внешнеторговых связях и оборотах Нижегородской ярмарки. Этот интересный очерк, который в соответствии с целями и жанром многотомного обобщающего издания носил обзорный и в то же время постановочный характер, был первым шагом в исследовании проблемы. Законодательству о торговле здесь был посвящен один абзац, в котором названы четыре законоположения, датированные 1824, 1827, 1844 и 1845 гг.

¹ В современной экономической теории товары широкого потребления обозначаются термином «fast moving consumer goods» – товары, которые продаются, покупаются и потребляются часто/ежедневно и удовлетворяют первостепенные потребности людей.

Важным вопросом истории торговли является правовое положение купечества и прочих сословий как акторов (пользуясь социологическим термином, обозначающим действующих общественных либо индивидуальных субъектов) торговли.

В современной историографии (второй пол. XX в. – начала XXI в.) правовое положение купечества было наиболее подробно рассмотрено в работе П. Г. Рындзюнского «Городское гражданство дореформенной России», опубликованной в 1958 г. В книге была проанализирована динамика роста государственного обложения купцов в последней четверти XVIII и первой четверти XIX в., то есть до Гильдейской реформы Е. Ф. Канкрин (Рындзюнский 1958, с. 42). Начав с рассмотрения законоположения от 25 мая 1775 г. «О сборе с купцов вместо подушных по одному проценту с объявленного капитала и о разделении их на гильдии»,² которым, как известно, подушный налог для купечества был заменен так называемым «гильдейским сбором», Рындзюнский на агрегированных данных показал, что в течение указанного 45-летия (1775–1819 гг.) постоянно росло обложение купечества, это касалось и процента с объявленного капитала, который вырос с 1% в 1775 г. до 5,225% в 1818 г. В тот же период плата в казну с минимального капитала по гильдиям для первой гильдии выросла со 100 руб. до 3212,50 руб., для второй гильдии с 10 руб. до 1345 рублей и для третьей гильдии с 5 рублей до 438 руб. Таким образом, основываясь на подсчетах П. Г. Рындзюнского, можно сделать вывод о том, что законодательство было весьма нацелено на увеличение фискальных сборов с купечества. В данной монографии также дан подробный анализ гильдейской реформы Канкрин 1824 г. (Рындзюнский 1958, с. 134–143), которая была проведена с целью повышения доходов казны, и показано, сколь тягостно отразилась эта реформа на московской торговле, особенно мелкой. Затронут П. Г. Рындзюнским и вопрос о положении других занимавшихся торговлей социальных групп – мещан и крестьян.

Все исследователи купечества XVIII в. отмечают его социально-экономическую «зажатость», юридическую ограниченность его прав, приниженный социальный статус.

Известный историк купечества Н. В. Козлова (МГУ) в содержательной статье «Гильдейское купечество в России и некоторые черты его самосознания в XVIII в.» отмечала, что «низкий сословный статус купцов, связанный с их тяглым состоянием, не обеспечивал защиты их капиталов, жилища, благосостояния в целом, а также здоровья и даже жизни», и «ни материальный достаток, ни положение бургомистра или земского старосты не гарантировали купцу уважения со стороны иночинцев» (1994, с. 221). Н. В. Козлова дает объяснению этому в «воздействии крепостного строя на положение городского

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание I (далее ПСЗ I). Т. XX. № 14327.

гражданства». Она также справедливо отметила, что «экономические позиции гильдейским купечеством завоевывались не в конкурентной борьбе с другими категориями торгово-промышленного населения, а приобретались из рук государственной власти через предоставленные им в 70–80-х годах XVIII в. привилегии» (Козлова 1994, с. 220). Заметим, что эта схема действовала и в первой четверти XIX в., и позже.

На наш взгляд, ярчайшим выражением таких причудливых взаимоотношений государства и подданных являлась господствовавшая несколько десятилетий в конце XVIII – начале XIX в. система двойного оклада, которая требовала больших средств от желающих выйти из деревни в город. По ст. 139 Городового положения из «Жалованной грамоты городам» (1785) купцы из крестьян были обязаны платить подати по обоим сословиям до новой ревизии, окончательно узаконивавшей их новый сословный статус – так называемый «двойной оклад».³ О двойном окладе писали П. Г. Рындзюнский, А. И. Аксенов, Г. Н. Ульянова (Рындзюнский 1958, с. 52–53; Аксенов 1988, с. 62; Ulianova 2009, p. 12–13).

Важную роль для понимания политики императорской власти в отношении купечества играет изучение системы налогообложения. В коллективной монографии В. Н. Захарова, Ю. А. Петрова и М. К. Шацлло «История налогов в России. IX – начало XX века» показано, что главным мотивом трансформации налогообложения купечества в XVIII столетии, когда шла «чередa почти непрерывных войн» и три четверти расходов приходилось на армию и флот, был «примат интересов фиска» (Захаров, Петров, Шацлло 2006, с. 4). В этом крылась причина освобождения купцов от подушной подати и перехода к прямому налогу с капитала. Ставки обложения были установлены в «Жалованной грамоте городам» и потом повышены в 1794 г.

Для исследования торговли важным является понимание колебаний в налогоспособности купечества и других торгующих сословий, в частности, резкое падение налогоспособности после губительной для экономического развития войны 1812 г. В качестве возможного выхода из положения правительством был избран переход к патентной системе обложения торговли и промышленности. В разделе, посвященном этой системе в монографии об истории налогов, отмечено, что «в первой четверти XIX в. (до проведения в 1824 г. реформы промыслового обложения) все изменения в системе торгово-промышленного обложения шли по трем направлениям: возвышение размеров нижних пределов для купеческих капиталов всех трех гильдий, увеличение процентного сбора с объявляемых капиталов и расширение круга плательщиков за счет привлечения к сборам предпринимателей, не принадлежавших к купеческому сословию» (Захаров, Петров, Шацлло 2006, с. 167).

³ ПСЗ I. Т. XXVI. № 19576.

Далее в статье мы рассмотрим законодательство в отношении купечества по двум направлениям: во-первых, как в законодательстве постулировался экономический и социальный статус купечества и как этот статус изменялся во времени; во-вторых, каким образом происходила кодификация правил торговли в Российской империи в целом и в Москве в частности и как в законодательстве были зафиксированы права на торговлю купечества, а также других сословий, прежде всего крестьян.

Общие положения о купечестве. Экономический и социальный статус купечества

В этом разделе подробно рассмотрим, как в законодательстве эволюционировало представление о статусе купечества по трем основополагающим документам изучаемой эпохи, а именно: по Городовому положению 1785 г., по манифесту 1 января 1807 г. и по закону 14 ноября 1824 г. «Об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний» (в научной литературе обозначаемому чаще как Гильдейская реформа Е. Ф. Канкрина).

Четкая регламентация прав так называемых «городских обывателей», верхний социальный слой которых представляло купечество, содержалась в «Жалованной грамоте городам». 21 апреля 1785 г. была издана Грамота императрицы Екатерины II «на права и выгоды городам Российской империи» (или «Жалованная грамота городам»), в разделе «О гильдиях и гильдейских выгодах вообще» которой было сказано в ст. 92, что «дозволяется всякому, какого бы кто ни был пола, или лет, или рода, или поколения, или семьи, или состояния, или торгова, или промысла, или рукоделия, или ремесла, кто за собою объявит капитал выше 1000 рублей и до 50 000 рублей, записаться в гильдию»⁴. Срок записи в гильдии устанавливался с 1 декабря по 1 января ежегодно, и в этот же срок надлежало уплатить гильдейский сбор в размере «по одному проценту с объявляемого ими по совести капитала, а подушное с них не брать» (ст. 93).

В ст. 94 и 95 отмечалось, что «капитал почитается семейный», и потому дети записанного в гильдию купца, «пока не в разделе», не должны платить ничего сверх, но должны объявить состав семьи. Если дети записываются в гильдию после [смерти] родителя, то платят с родительского капитала, «пока не в разделе». В бездетных семьях (ст. 96), где имущество наследовали родственники, они должны были платить с капитала умершего, «пока не в разделе», «ибо капитал почитается яко компанейской», но должны были объявить в каком они числе.

По ст. 99 записавшиеся в гильдии могли при рекрутском наборе вместо наличного рекрута платить деньги в размере суммы, которую заплатило бы то количество лиц, которое должно было снарядить

⁴ Там же. Т. XXII. № 16187. Ст. 92.

рекрута. Впрочем, если купец или его сын были готовы идти в армию, то это не возбранялось.

Таким образом, в «Жалованной грамоте городам» в общих чертах устанавливался порядок пребывания в купечестве и уплаты податей. «Жалованная грамота» регламентировала разделение на три гильдии в соответствии с размерами объявленного капитала и объемом производимой коммерции.

В первую гильдию записывались лица при объявлении капитала от 10 000 рублей до 50 000 рублей. Им, согласно Городовому положению, «не токмо дозволяется, но и поощряется производить всякие внутри и вне Империи торги, товары выписывать и отпускать за море, оные продавать, выменивать, и покупать оптом или подробно» (ст. 104), а также «иметь или заводить фабрики, заводы, и морские всякие суда» и «ездить по городу в карете парою» (ст. 105 и 106).

Во вторую гильдию записывались лица при объявлении капитала от 5000 руб. до 10 000 руб. Им дозволялось «производить всякие внутри Империи торги, и товары возить водою и сухим путем, по городам и ярманкам, и по оным продавать, выменивать и покупать потребное для их торгу оптом или подробно». В третью гильдию – лица при объявлении капитала от 1000 до 5000 руб., и они могли производить «мелочной торг по городам и по уезду, продавать мелочной товар в городе и в округе, и тот мелочной товар возить водою и сухим путем по селам, селениям и сельским торжкам, и на оных торжках продавать, выменивать, и покупать потребное для мелочного торгу оптом или подробно».⁵ (Эти оклады были повышены в конце царствования Екатерины II по именному данному Сенату указу 23 июня 1794 г. – для поступления в первую гильдию нижний порог был поднят до 16 000 руб., во вторую – до 8000 руб., в третью – до 2000 руб.)⁶

По ст. 64 Городового положения «расчисление гильдий по капиталам» следовало производить «от одной в Государстве общей переписи до другой таковой же». Доказательством купеческого состояния был гильдейский лист, подписанный гильдейским старшиной и двумя лицами из той же гильдии, вписавшимися как свидетели.

Эти введенные екатерининской кодификацией правила в отношении купечества стали матрицей на последующие несколько десятилетий.

Следующей важной вехой в развитии законодательства о купечестве стал изданный в правление Александра I манифест 1 января 1807 г. под названием «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и

⁵ Там же. Ст. 104, 110, 116.

⁶ ПСЗ I. Т. XXIII. № 17223.

усилению торговых предприятий». ⁷ Текст манифеста начинался со слов: «Бытия Отечества Нашего свидетельствуют, в какой мере Российское купечество, обогащавшее Империю плодами торговли, купно увенчивало себя гражданскими добродетелями. Мы сами во дни Нашего Царствования с удовольствием зрели достохвальные тому примеры. Мы зрели среди купечества благородные пожертвования, любовь к Отечеству и особливую приверженность к Нашей Особе». Далее говорилось, что купечество заслуживает возвышения, для чего и прописаны новые правила, благодаря которым предполагалось «распространить и усилить торговые предприятия». После этой написанной в духе сентименталистской риторики преамбулы следовал текст закона, включившего несколько разделов.

В первом разделе (отделении) регламентировалось учреждение торговых товариществ (полных и на вере) как предпринимательских институций. Товарищество слагалось «из двух или многих товарищей, в равную гильдию записанных, которые положили за едино торговать под общим названием всех». Такое товарищество называлось торговым домом (ст. 2). В законе оговаривалось, что в случае, если в торговом доме участвуют «отец с сыном или с внуком по сыне», то – несмотря на общее правило, что «товарищи должны быть порознь записаны по одинакой гильдии» – только старший в семье должен был платить взнос с капитала по гильдии. Прочие же дети или родственники, являясь товарищами, должны были записаться в равную гильдию и платить взнос с капитала (ст. 4). Товарищем можно было состоять только в одном торговом доме, ибо товарищ отвечал за долг всего дома всем имуществом.

Во втором разделе (отделении) были прописаны права дворянства, занимавшегося коммерцией и получавшего право записываться в гильдии (только первую и вторую), платить подать с капитала и нести городские повинности, учреждать торговый дом.

В третьем разделе (отделении) были рассмотрены права иностранцев для занятий коммерцией в России. Они должны были перейти в российское подданство, чтобы вступить в гильдию. При этом иностранцам, которые уже состояли в российском купечестве до появления закона 1807 г., предлагалось в течение шести месяцев решить вопрос с переходом в российское гражданство или покинуть гильдию. Однако законодательство выделяло категории «гостя» или «купца заезжего», чья территория торговых действий была ограничена своим регионом, например, губерниями Новороссии, где в силу необходимости их форсированного экономического развития разрешалось торговать и иностранцам. Для этих категорий допускалась оптовая торговля на бирже, но не допускалась розничная.

⁷ ПСЗ I. Т. XXIX. № 22418.

В четвертом разделе (отделении) – наиболее обширном и центральном в манифесте – были регламентированы права собственно купечества. Подтверждалось разделение на три гильдии и выделение внутри первой гильдии категории первостатейных (или действительных) купцов. Эта категория включала самых богатых купцов, проводивших операции со значительными оборотами, в законе они определялись следующим образом – действительным купцом мог называться только тот, кто торговал «оптом по Государству, или к порту или за границу, также кораблехозяин, банкир, основывающий свою торговлю на вексельном переводе и курсе» (ст. 15). Была заведена «Бархатная книга знатных купеческих родов», в первую часть которых вписывались династии, которые «в двух непрерывных коленах», по представлению внука (то есть представителя третьего поколения), «без всякой укоризны занимали место в высшей гильдии» (ст. 17).

Купцы первой гильдии могли вести оптовый и одновременно лавочный или мелочной торг на всем пространстве империи, в том числе в портах и в «пограничных местах», а также «производить мену, продажу или покупку непосредственно с иностранцем». Купечеству первой гильдии дозволялось ездить в карете парой или четвернею.

Купцы второй гильдии не имели права торговать с заграницей (с иностранцами).

В ст. 17 указывалось, что отменяется рекрутская денежная повинность, введенная ранее: «Рекрутскую денежную повинность, в ознаменование Нашего благоволения к достоинству купеческого сословия, Всемилоостивейше снимаем со всех трех гильдий на вечные времена».

Однако подтверждался сбор четверти процента с купеческих капиталов на жалованье лицам, служащим по городским выборам. То есть купцы должны были сами финансово обеспечивать функционирование системы существовавшего минимального городского и сословного самоуправления.

В целом, значение манифеста 1807 г. заключалось в подтверждении прав первогильдейского купечества, усилении его верхушки, призванной стать более лояльной к государству в условиях становления министерской системы управления страной и понимания – обновленной при Александре I бюрократией – необходимости развития промышленности и коммерции. В литературе этого и последующего времени манифест всегда получал хвалебную оценку. Например, известный историк права Н. В. Варадинов в «Истории Министерства внутренних дел» называл его «знаменитым законоположением, давшим новое развитие нашей торговле как предмету, относящемуся собственно к ведомству Министерства финансов» (Варадинов 1858, с. 196).

В последующие 15 лет было издано несколько промежуточных указов, провозглашавших исключение из купечества в случае несвоевременной уплаты гильдейской подати (после войны 1812 г.

постоянно обнаруживалась несвоевременная уплата податей обедневшими купцами). Те купцы, которые не внесли процентных денег в течение декабря, немедленно исключались из купечества и их записывали в мещане «с припечатыванием о сем в публичных ведомостях обеих столиц», то есть с объявлением в газете. Производить торговлю им воспрещалось.⁸

Нормы обложения купечества были пересмотрены и введены в ходе Гильдейской реформы 1824 г. министра финансов Е. Ф. Канкрин, который занимал свой пост в 1823–1844 гг.⁹ Цена промысловых свидетельств для купцов первой гильдии была установлена в 2200 руб., второй гильдии – 880 руб., и третьей гильдии – 220 руб. Цена билета на лавку составляла 100 руб. для первой и второй гильдии, 75 руб. – для третьей гильдии.

Всего же купец первых двух гильдий должен был платить каждый год следующие подати (п. 36): 1) гильдейскую подать 4%; 2) на водяные и сухопутные сообщения по 10% с податного рубля; 3) на земские повинности вместо платимого прежде 0,5% – по 0,25% с капитала; 4) на городские повинности по 0,25% с капитала.

Купец третьей гильдии должен был платить чуть меньше: 1) гильдейскую подать 2,5%; 2) на водяные и сухопутные сообщения по 10% с податного рубля; 3) на земские повинности по 0,25% с капитала; 4) на городские повинности по 0,25% с капитала.

Таким образом, размеры гильдейского сбора постоянно росли: к примеру, после реформы 1824 г. он составил 4% и 2,5% с объявленного капитала в зависимости от гильдии. Далее, вплоть до 1863 г., когда был изменен порядок деления на гильдии, он практически не менялся.

То, что реформа 1824 г. была основополагающей для регламентации положения купечества и торговых действий купеческого и прочих сословий в последующие три десятилетия считали многие правоведы XIX – XX вв. Например, по мнению Г. С. Вольтке (1901 г.) уставы, изложенные в XI томе Свода законов по изданиям 1832, 1842 и 1857 гг., были основаны, главным образом, на законе 14 ноября 1824 г. (Вольтке 1901, с. 1).

Эта система просуществовала до 1863 г., когда 1 января было принято «Положение о пошлинах за право торговли и промыслов», по которому деление на три гильдии было заменено делением на две гильдии. По этому законоположению купцы первой гильдии, платившие сбор в размере 265 руб. серебром в год, получали следующие права: а) производить оптовую и розничную торговлю по всей Империи русскими и иностранными товарами, для чего содержать амбары, лавки, магазины без ограничения их числа (за каждую лавку доплачивался так называемый билетный сбор в размере 30 руб.);

⁸ ПСЗ I. Т. XXXV. № 25572.

⁹ ПСЗ I. Т. XXXIX. № 30115.

б) принимать подряды; с) содержать фабрики и другие промышленные заведения. Купцы второй гильдии, платившие сбор в размере от 25 до 65 руб. (в зависимости от величины города, где они вели операции), получали те же права, что и первогильдейцы, но с ограничением места торговли (тем городом или уездом, где бралось свидетельство), суммой подрядов не более 15 000 руб. За каждую лавку купцы второй гильдии доплачивали от 5 до 20 рублей.¹⁰

История кодификации прав купеческого сословия демонстрирует стремление бюрократии зафиксировать все стороны коммерческого функционирования купечества.

Общие постановления о торговле. Регулирование торговли в Городовом положении, Уставе города Москвы и Уставах о доходах и расходах города Москвы

В законодательстве первой четверти XIX в. была прямо провозглашена идея «Монаршего попечения о благе торговли» (Манифест 1807 г., ст. 20). Текст Манифеста завершался торжественной фразой о «Монаршей любви к купечеству» и о всеобщем – монарха и купечества – молении Всевышнего о даровании Империи «изобилия и богатства, приобретаемого трудами сего сословия». Эта риторика была отражением осознанного стремления – государственной власти как института и отдельных просвещенных бюрократов александровского времени – укрепить экономическую силу государства, бесконечно ослабляемую войнами за расширение Российской империи в последней четверти XVIII в. и участием в антинаполеоновских коалициях в начале XIX в.

Учреждение в 1802 г. Министерства финансов и Министерства коммерции среди восьми министерств (ставших новыми центральными ведомствами, заменившими коллегии) демонстрировало стремление власти определить область контроля над сферой торговли и промышленности. Также в среде нового поколения высшей бюрократии витала идея руководства, насколько возможно, предполагаемыми экономическими преобразованиями. В 1810 г. Министерство коммерции было упразднено, и его дела перешли в компетенцию Министерства финансов.

Хотя известный правовед, автор «Учебника торгового права» П. П. Цитович писал, что «попытка кодифицировать и русское торговое право была сделана еще Сперанским» (Цитович 1891, с. 24–25) и проект Торгового уложения Российской империи (вместе с проектами уложений: гражданского, гражданского судопроизводства и уголовного) был внесен в Государственный Совет в 1810 г., однако, как мы знаем, с охлаждением Александра I к М. М. Сперанскому, попавшему в опалу после 1812 г., эти проекты остались лежать под спудом.

¹⁰ ПСЗ II. Т. XXXVIII. № 39118.

Потому лишь с приходом Е. Ф. Канкрин на пост министра финансов в изданном в 1824 г. положении «Об устройстве гильдий и торговле прочих состояний» (о котором уже шла речь выше), в законодательстве появилось определение предмета торговли как экономического понятия, характеризующего деятельность частных лиц.

В 1832 г. в составе Свода законов был издан Свод уставов государственного благоустройства, вторая часть которого называлась «Свод учреждений и уставов торговых».¹¹ В нем была дана дефиниция торговли и очерчена ее структура.

В ст. 1 говорилось: «Торговля разделяется: 1) По пространству торгова, на внутреннюю и внешнюю. 2) По количеству товаров, на оптовую, розничную и мелочную. 3) По месту производства, на торговлю в городах и селениях».

С отсылкой к тексту «Дополнительного постановления об устройстве гильдий» 1824 г. была сформулирована ст. 2 Торгового устава, в которой были перечислены все категории деятельности, входившие, по мнению законодателей, в понятие «торговых действий». Этих категорий было шесть:

«1. Промышленность в построении, покупке, починке и найме кораблей и купеческих судов и в отправлении оных;

2. Купеческие приказы о закупке, продаже, перевозке и поставке товаров, или так называемые дела комиссионные, экспедиционные и маклерские;

3. Денежные переводы на российские и иностранные города и всякие банкирские дела, также содержание страховых контор;

4. Вступление в казённые подряды и откупа;

5. Содержание магазинов, ангаров, кладовых, лавок и погребов для складки товаров и продажи оных; также фабрик и заводов всякого рода, исключая заводов винокуренных; содержание трактирных заведений; гостиниц, рестораций и постоялых дворов, кофейных домов, ренсковых погребов, питейных домов, портерных лавочек, харчевен, корчем, рыбных садков, торговых бань и других торговых заведений;

6. Размен денег».

Согласно законодательству (Законам о состояниях, Торговому и Таможенному уставам), торговля, при условии оформления нужных документов и уплаты пошлины, разрешалась представителям всех сословий. Торговля запрещалась монашествующим; священно- и церковнослужителям из белого духовенства (но дозволялась их вдовам); духовным лицам протестантского и армяно-григорианского исповеданий; лицам магометанского духовенства, до увольнения или исключения их из духовного звания; дворянам, находящимся в службе государственной или губернской по выборам; нижним воинским чинам,

¹¹ Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. 2. Свод учреждений и уставов торговых. СПб., 1833. Кн. 1. С. 219–220.

в действительной службе состоящим, исключая произведениями своего собственного мастерства; евреям-поселенцам; маклерам и нотариусам (пока в должности пребывают); таможенным чиновникам.

Теперь, после изложения этих общих положений, перейдем к вопросу о том, как законодательно регулировалась торговля в Москве. Правила торговли содержались, главным образом, в положениях о доходах и расходах города Москвы, которые раньше не попадали в поле зрения исследователей. В регулировании московской торговли можно выделить несколько хронологических вех, таких, как: Городовое положение 1785 г., Устав города Москвы 17 января 1799 г., указ императора Александра I «О городских доходах и расходах» 23 февраля 1806 г., положение «О доходах и расходах Московской столицы» 13 апреля 1823 г.

Их разработка и принятие были вызваны как внутренними, так и внешними причинами. К внутренним следует отнести нужды экономики страны и экономики собственно Москвы – стремление царя и бюрократии поддерживать необходимый уровень благосостояния городского населения и стабильность снабжения его продуктами питания и товарами повседневного спроса. Используя собираемые налоги, было важно поддерживать в порядке городскую инфраструктуру, включая общественные рыночные пространства. К внешним причинам относились: необходимость постоянного притока средств на содержание армии и на восстановление экономики страны после войны 1812 г.

Основа законоположений о торговле, приближенных к европейским, была заложена правовой системой Екатерины II. Однако императрицу более заботило устройство по европейскому образцу жизни в Петербурге, а институциональные преобразования Москвы лишь вторили образцу северной столицы.

21 апреля 1785 г. была издана «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» (Жалованная грамота городам). В ст. 19–24 содержащегося в законе «Городового положения», определившего права и обязанности городского населения (в первую очередь, купцов, мещан и ремесленников), устанавливались также ключевые правила торговли. Они определяли места, типы функционирования, собственников и арендаторов торговых заведений. Мещане имели право «иметь или строить, или чинить для хранения или продажи товаров гостиный двор, или же иметь по домам лавки и анбары для продажи и поклажи товаров». Для подвоза товаров разрешалось пользоваться кораблеплаванием, «сухим и водяным путем». Разрешалось также «уездным жителям», то есть крестьянам, возить в город на продажу «свои произрастения, рукоделия и товары», а из города вывозить другие купленные (для себя) товары без предъявления паспорта при перемещении.

Для контроля за правильностью продажи товаров следовало иметь клейменные веса и меры, а также осуществлять браковку товаров. Что касается времени, когда разрешалась торговля, то Городовое положение предписывало в городах «назначить еженедельные торговые дни и часы во дне» и «место куда и время когда привозить, продавать и покупать удобно, что кому потребно».

Статьи Городового положения, регламентировавшие деятельность городских шестигласных дум, также касались и вопросов торговли. Думам надлежало «стараться ... о заведении площадей для стечения народа по торгу, пристаней, анбаров, магазинов и тому подобного, что может быть для города потребно, выгодно и полезно».

Оценивая в целом законодательство Екатерины II в отношении торговли, следует согласиться с авторами монографии «История налогов в России», что «новые веяния в налоговой политике коснулись прежде всего городского населения, а именно наиболее зажиточной его части», которая была обложена новым прямым налогом в виде процентов с капитала, а воззрения императрицы были сформированы под влиянием взгляда французских «физиократов» «о расширении налоговых сборов как результате стимулирования предпринимательской деятельности» (Захаров, Петров, Шацкило 2006, с. 112, 4).

В период следующего царствования, при императоре Павле I, были приняты уставы Петербурга и Москвы, в которых были затронуты, в числе других, вопросы торговли. Устав г. Москвы 17 января 1799 г.¹² регламентировал права городских сословий – купечества, цеховых, торгующего крестьянства, устанавливал систему самоуправления торговых корпораций. Так, городское общество должно было избирать маркт-фохта к каждому рынку. Маркт-фохт (Markt-Vogt, нем. – управляющий рынком, в этом онемеченном названии сказывалось желание законодателей угодить императору Павлу, столь любившему прусский порядок) избирался из граждан и его обязанностью было смотреть, чтобы «припасы привозимы были свежие, ни малейшего повреждения не имеющие» и при продаже припасов соблюдался порядок, то есть «не было перекупу, обмана и ссор между покупающими и продающими».

Кроме маркт-фохта также следовало избирать из граждан ваге-юстирера (Waage-Justierer, нем. – поверщик весов), чтобы он следил за «добротой и весом» продаваемого печеного хлеба, а также, чтобы торговцы пользовались исправными весами, клейменными гирями и другими мерами. Для надзора за продажей вина следовало избирать вейн-кипера (Weinküper, нем. – смотритель за вином), который бы смотрел, чтобы «в винных погребах никаких порченных и с примесью напитков продаваемо не было». На каждой мясной бойне должен был избираться городским обществом из граждан бешауер (от Beschau, нем.

¹² ПСЗ I. Т. XXV. № 18822.

– санитарный осмотр), для наблюдения, чтобы «скот в бойни был вводим здоровый и незаморенной». Еще одной вводимой уставом должностью была должность тор-шрейбера (Thor-Schreiber, нем. – дословно, писарь на воротах), то есть писаря для дежурства на въездах (шлагбаумах) в город, а также на Даниловском и Дорогомиловском мостах, и записи в выданные от департамента книги отъезжающих и приезжающих, и «привозимых в город съестных и прочих припасов и товаров», и отправки в конце дня этих записей в Ратушу (Ратгауз) и полицмейстеру.

Эти лица, на общественных началах обязанные осуществлять надзор за разными видами торговли, подчинялись в своей части города полицмейстеру и ему должны были сообщать о случаях обнаруженных злоупотреблений. Исследование этой терминологии представляет интерес – она фиксировала признаки системы контроля за торговлей.

В разделе о действиях полиции содержался параграф, касающийся надзора за ценами, весами и мерами. Было сказано: «Хотя цены припасам, верность мер и весов есть дело камерального департамента, но полиция и с своей стороны наблюдает, дабы припасы соразмерными ценами и не дороже таксы продавались и чтоб не было ни малейшего обмана и злоупотребления».

Что же касается разрешения торговли крестьянам, то по Уставу г. Москвы крестьянам дозволялось заводить лавки трех родов: за первый род платить в городскую казну 100 рублей и торговать иностранными и российскими овощами, чаем, кофе и сахаром; за второй род платить 50 рублей и торговать иностранными и российскими овощами (но не чаем, кофе и сахаром); за третий род платить 25 рублей и торговать только российскими съестными припасами. С этого момента устанавливался строгий надзор за тем, чтобы крестьяне вели дело легально с уплатой акциза, а не чинили подлога и не торговали под купеческими именами.

Изучение «Устава города Москвы» 1799 г. позволяет поставить исследовательский вопрос о контроле за торговлей и купеческом самоуправлении в России, а шире – его содержание показывает, как уже на рубеже XVIII – XIX в. происходила институционализация торговли, что можно считать одним из признаков становления внутреннего рынка.

23 февраля 1806 г. был опубликован именной указ императора Александра I «О городских доходах и расходах».¹³ Разработка этого законоположения основывалась на «Докладе Комитета, учрежденного в Москве для уравнивания городских повинностей», который был учрежден по императорскому указу, данному Сенату 12 февраля 1802 г.¹⁴ Указ же 12 февраля 1802 г., изданный в начале александровского царствования,

¹³ ПСЗ I. Т. XXIX. № 22030.

¹⁴ ПСЗ I. Т. XXVII. № 20143.

вводил новую систему управления городом, сменившую все павловские нововведения.

Московский комитет (состоявший из московских дворян, имеющих дома, а также из купечества и двух представителей от правительства) собрал сведения и представил расчеты по оптимальной раскладке городских повинностей на обывателей. Доклад Комитета был представлен императору и им утвержден. Основной целью доклада была разработка принципов ежегодного поземельного налога с жилых и прочих зданий, но ряд пунктов этого указа касался обложения повинностями торговых помещений. Всего же поземельный сбор, по предположениям разработчиков закона, должен был дать 553 737 руб. 97 коп. в год.

Решающим пунктом в законоположении 1806 г. стало изменение окладов сбора ежегодного поземельного налога по частям города. Был резко повышен налог на строения в Китай-городе (в официальных документах Китай-город именовался Городской частью – одной из 20 административно-полицейских частей Москвы) – основной торговой зоне в центре Москвы, где осуществлялось до половины оборотов всей городской торговли. Комитет исходил из принципа, что обывательские дворы в других частях города не дают прибыли хозяевам, в отличие от дворов в Китай-городе, «кои приносят своим хозяева великие выгоды и из которых многие превращены в лавки и трактиры, торгующими нанимаемые дорогими ценами». И потому «положил оклады самые вышние поземельного сбора на Городскую часть, поелику хозяева пользуются всеми выгодами найма от торговли», в прочих же частях оклады были уменьшены. В результате, хотя Китай-город занимал только 1,37% городской территории (110 193 кв. саж. из 8 059 877 кв. саж.), его собственники недвижимости с 1806 г. стали обеспечивать (по нашим подсчетам) уплату 8,6% поземельного сбора.

На наш взгляд, это повышение фискальной нагрузки на купечество свидетельствовало о том, что на рубеже XVIII – XIX вв. купечество в экономическом смысле обрело значительный вес, развитие свободного рынка сопровождалось пополнением купеческого сословия лицами, переходящими из крестьянства, мещанства, в меньшей степени цеховых и среды духовенства (что нашло отражение в ревизских сказках). Однако купечество не рассматривалось как полноправная социальная группа, и потому власть считала допустимым возложить на него максимальное налоговое бремя.

Большое внимание было уделено в законе правилам содержания гербергов, кофейных домов и съестных трактиров – которых насчитывалось в городе более 140. Был снят запрет на подачу крепкого пива и игру в билиард, чтобы максимально повысить сборы с заведений – разрешено иметь столько билиардов, сколько владелец пожелает, но с платежом за каждый билиард в городскую казну довольно крупной суммы в 100 руб. акциза в год. В кофейных домах,

где ассортимент состоял из водки, вина, чая, кофе, пищи, разрешалось иметь бильярд с платежом за каждый бильярд в городскую казну 200 руб. Герберги и кофейные дома отдавались московским купцам с публичных торгов в четырехлетнее содержание с уплатой денег в городскую казну.

Съестные трактиры, которых было более сотни, содержались купцами третьей гильдии и крестьянами. Там подавали «готовое кушанье, чай, кофе и напитки», а с согласия владельцев – водку и полпиво. Особенно много таких трактиров было в Китай-городе, где служащие различных коммерческих контор, бюрократических учреждений и торговых лавок находились целый день и должны были иметь возможность поест «за умеренную цену» горячей пищи, что нередко сочеталось и с деловыми переговорами. До закона 1806 г. владельцы трактиров платили в городскую казну акциз 100 руб. в год, но Комитет счел эту сумму «малозначущей» и предложил за право содержания трактиров брать акциз в Китай-городе и Белом городе с купцов по 200 руб., а с крестьян по 400 руб., а в остальных частях Москвы с купцов по 100 руб., а с крестьян по 200 руб. По расчетам эти сборы должны были приносить в городскую казну не менее 40 тыс. руб. в год.

Важной частью закона 1806 г. стало новое положение об акцизе с торгующих крестьян. Хотя по Городовому положению крестьянам запрещалось торговать, с целью повышения фискальных сборов по именному указу 10 января 1799 г. крестьянам была разрешена мелочная торговля в городах. Так, в указе «О даче временного права крестьянам производить мелочную торговлю с платежом в казну акциза» говорилось, что поскольку купечество «не занимаясь само собою торговлею разных необходимо нужных мелочных товаров, попускает производить оную крестьянам под чужими именами», то следует дать этим крестьянам разрешения производить эту торговлю, пока купечество не начнет само производить ее.¹⁵

Для Москвы это законоположение имело особое значение – помещичьи, дворовые и казенные крестьяне составляли в начале XIX в. до 60% городского населения. Часть крестьянства неизбежно была вынуждена искать пропитания в мелкой торговле, нанимаясь к купцам и мещанам в качестве приказчиков в лавки или заводя их самостоятельно. Видимо, к концу XVIII в. явление стало столь массовым, что было решено его легализовать, поскольку и государству было выгоднее увеличить налоговые поступления.

Принятие решения о разрешении торговли крестьянам вызвало резкое противодействие купечества, беспокоившегося о снижении своих доходов от торговли. П. Г. Рындзюнский отмечал, что, как свидетельствуют найденные им в фонде московского генерал-

¹⁵ ПСЗ I. Т. XXV. № 18814.

губернатора документы (эти документы нами по номерам дел не идентифицированы и не найдены – Г. У.), «споры по вопросу о признании крестьянской торговли были настолько острыми, что официальный доклад комитета был подписан только дворянской его частью» (Рындзюнский 1958, с. 73), представители же купечества отказались подписывать доклад и причины отказа изложили в отдельном документе. Городской голова Фалеев и купец первой гильдии Ситников категорически возражали против предоставления крестьянам права стационарной торговли большинством товаров, но их противодействие власти предпочли не принимать во внимание (Рындзюнский 1958, с. 86–88).

Что касается разрешения крестьянам торговать определенными товарами в зависимости от платимого акциза, то Устав 1806 г. в общих чертах повторял положение 17 января 1799 г. о крестьянских лавках трех родов с уплатой по 100, 50 и 25 руб. Для всех трех разрядов крестьянских лавок в законе перечислялся базовый ассортимент товаров: «мука и крупа всякого рода, мясо свежее и соленое, домашняя птица, дичь, рыба живая и соленая, садовые, огородные и полевые овощи, семена, корни, травы и прочие российские товары и крестьянские изделия, а также лес, камень, известь, веревки, рогожи и тому подобное». Полный перечень этих товаров был обозначен в так называемом «расписании под литерою Б», которое было подано на утверждение императору. В этот перечень, по мнению законодателей, были включены «необходимо потребные повседневно» товары.

Для крестьян, торгующих не в стационарных лавках, а в передвижных лавочках, в палатках, на ларях (например, во время народных гуляний) дозволялось платить акциз второго и третьего рода в уменьшенном размере, поскольку их торговля носила временный сезонный характер – за акциз второго рода 25 руб. в год, а третьего – 10 руб. в год. Но с палаток на гуляньях для продажи чая и кофе следовало платить 50 руб. в год (поскольку оборот таких палаток был кратковременным, но значительным) да еще с каждого работника в таких «лавке, палатке или при ларе» брать акциз по первому роду 3 руб., второму – 2 руб., третьему – 1 руб.

Для разносчиков было предписано два вида акциза. Те, кто торговал «по улицам, на гуляньях» вразнос «иностранными и российскими фруктами, конфектами и закусками», должны были платить 10 руб. в год, а кто только «российскими фруктами, закусками, пряниками и др. продуктами» – по 2 руб.

Помимо «расписания под литерою Б» был и перечень товаров, которые не заключали в себе «не терпящих времени надобностей», а требовались время от времени и стоили дорого, например, листовое, связное и полосное железо, «платье из иностранных сукон и материй». Этими товарами долгосрочного пользования, стоившими дорого, могли торговать только купцы.

В указе 1806 г. мы находим также сведения о взимании акциза с мелких заведений торговли свежеприготовленными продуктами и общественного питания. Так, харчевни, в которых предлагались покупателям «вареные, жареные, печеные и иначе приготовленные съестные припасы», обязывались платить 25 руб. акциза в год. Если же в такой харчевне предлагался чай, то по 100 руб. Такие заведения, как «блинни» (там продавались только жареные и печеные припасы), хлебные, калачные, булочные, пряничные и колбасные избы и пекарни (торговавшие ежедневно произведенными на месте колбасными и хлебными изделиями), а также заведения, торговавшие сбитнем, медовым и простым квасом, обязывались платить по 10 руб. акциза в год. Если же торговля шла только простым квасом и сбитнем – то 5 руб. в год, а если производитель булок, калачей, пряников, пирожков, колбас имел работника, которого отправлял торговать своим товаром вразнос, то за каждого такого работника платил акциз еще по 1 руб. в год.

Если крестьянин содержал в Москве постоялый двор (то есть небольшую гостиницу с весьма аскетичными условиями), где извозчики и приезжающие в Москву гости получали «харч, овес, сено и деготь», то он должен был платить 10 руб. акциза.

Отдельной статьей было выделена продажа крестьянами в лавках «карет, колясок, дрожек и других городских экипажей» – торговля этими, как правило, дорогостоящими средствами передвижения, облагалась акцизом в 100 руб. в год. С торгующих же простыми повозками и колесами брали 25 руб. в год за лавку. (Это отразилось в дальнейшем в Москве и на топографии торговли. В городе существовало несколько «Тележных» рядов и рынков торговли шорным товаром.)

Целью указа 1806 г. была также легализация тех крестьян, которые торговали в лавках, записанных на купцов. Для этой категории был предусмотрен особый подход к обложению, чтобы они «не могли отбивать от платежа, производя торговлю». Если крестьяне торговали в лавках от купцов и мещан теми товарами, которые недозволены крестьянам для торговли, то должны были платить 200 руб. в год, а если они были только наемными работниками, а не владельцами торговли, то 5 руб. с чел.

Для каждой лавки, палатки и харчевни владельцы обязывались сделать жестяной знак с обозначением номеров платимого акциза. Этот знак помещался, видимо, у входа в лавку. Лица, торговавшие на лотках и вразнос должны были таковой знак небольшого размера носить пришитым на кафтан.

Текст указа 1806 г. интересен тем, что содержит не только четкие юридические предписания о принципах и размере взимаемого налога, но также и размышления о мотивах изменения законодательных норм. В частности, указано, что этими распоряжениями будут пресечены «многочисленные злоупотребления и неверности, вкравшиеся ныне в сию важную статью доходов», а учитывая «великое число лавок и

чрезвычайное множество людей, разносом промышляющих и в работниках живущих», эта статья может приносить в городские доходы до 66 тыс. руб. в год и со временем до 100 тыс. руб., а крестьяне, торгуя официально, будут «ограждены от притеснений».

Указ 1806 г. включил также новые правила в отношении бань, которые по законодательству считались одним из видов торговли. Почти в каждой части города существовали городские «торговые бани», принадлежавшие городу и отдававшиеся городской властью на откуп (это приносило городу дохода до 70 тыс. руб. в год.). Были также и «партикулярные бани», находившиеся в собственности частных лиц еще до принятия Городового положения, то есть до 1785 г. Они функционировали на старых основаниях, установленных до 1785 г. Указом предлагалось эти партикулярные бани ревизовать и перевести в собственность города (проверив документы у владельцев на право владения на основании купеческого права).

Что касается улучшения инфраструктуры торговли, то Указ предписывал провести замощение и расширение рыночных площадей в Земляном городе, куда регулярно приезжали с товарами (главным образом, овощами, молоком и др.) крестьяне Московской губернии, чтобы была «удобность» для крестьян «останавливаться», а для московских жителей – покупать. На замощение предлагалось взять 10 тыс. руб. из суммы на «непредвидимые расходы», о чем и содержалась просьба к императору прямо в тексте документа.

В последующий период 1807–1820 гг. Москва пережила сложное время. Особенно подкосило хозяйство столицы нашествие Наполеона в 1812 г., когда город был на две трети сожжен, жители обеднели, многие купцы разорились, места торговли были разрушены. Всё это вело к тому, что с горожан невозможно было собрать запланированный объем налогов. Эта тяжелая ситуация нашла отражение в принятом 21 марта 1816 г. положении Комитета министров под названием «О прекращении отпуска сумм из казны на содержание московской полиции и обращении оного на счет городских доходов».¹⁶ В нем было сказано: «По разорении Москвы неприятелем доходы сей столицы совершенно расстроились так, что и содержание тамошней столицы принято до времени на счет казны. Для прекращения отпуска на сей предмет весьма значущих сумм из казначейства, главнокомандующий в Москве составил особый комитет для изыскания способа к усилению городских доходов. Комитет сей исчислил ныне доходов сей столицы в 1 451 576 руб., ... а расходы, по возможном их сокращении, составляют в год 1 362 129 руб. 9½ коп.».

Для изучения торговли и удельного веса обложения торговцев разного рода окладами важны следующие цифры, содержащиеся в тексте законоположения. Было указано, что главными статьями дохода

¹⁶ ПСЗ I. Т. XXXIII. № 26205.

являлись: поземельный сбор, исчисленный в 400 тыс. руб., и шести- и трехпроцентный сбор с отдаваемых внаем лавок, амбаров, трактиров и прочих торговых мест, домов и земель, предполагаемый для уравнительности поземельного сбора, – в сумме дававший еще 200 тыс. руб. (Этот сбор предлагалось собирать еще два года – 1817 г. и 1818 г. – пока будут вырабатываться новые принципы обложения, и заменить в будущем сбором с недвижимых имений.)

Однако после войны хозяйство и благосостояние горожан восстанавливалось очень медленно, сбор денег шел неважно, и поэтому в октябре 1820 г. был учрежден специальный «Комитет для рассмотрения доходов и расходов московской Градской думы и долгов оной».¹⁷ В именном указе, данном Александром I московскому военному губернатору кн. Д. В. Голицыну, было сказано: «Представление Ваше о затруднительном положении Московской Градской думы, по недостатку способов к выполнению возлагаемых на неё обязанностей, обратило особенное моё внимание. Желая извлечь из оногo и преподать ей способы к прочному на будущее время устройству доходов и расходов городских, я признал за благо предписать следующие меры». Далее следовало перечисление этих мер, в том числе: учреждение комитета в Москве под председательством Д. В. Голицына с участием сенатора кн. М. Д. Цицианова, а также гражданского губернатора, губернского предводителя дворянства, обер-полицмейстера, городского головы и четырех депутатов (двух от дворянства и двух от купечества); рассмотрение источников доходов и расходов, долгов думы; определение, какие доходы можно «без стеснения жителей» увеличить, а какие, если они отяготительные, изменить. Комитету надлежало составить положение для доходов и расходов города Москвы и для уплаты долгов, и о сделанной работе донести царю и ожидать утверждения им составленного документа.

Следует сказать о том, что назначение Д. В. Голицына – участника войны 1812 г., боевого генерала – на должность военного губернатора Москвы представлялось императору и министерству спасительным шагом на пути к гражданскому согласию и повышению доверия горожан по части платежа налогов. Голицын был москвич, имел ореол героя, человека мудрого и рассудительного, его семья прославилась благотворительностью – построением общедоступной больницы. Биограф писал: «Князь Д. В. Голицын перешел с поля брани – усыпанный лавровыми венками побед и отличий – в градоначальники Москвы» (Голицын 1844, с. 5). Дмитрий Владимирович был назначен на должность генерал-губернатора Москвы, когда ему было 50 лет, а до этого 20 лет прослужил в армии (1794–1814), участвовал в войне со шведами в 1808–1809 гг., в военных компаниях против войск Наполеона 1805–1806 и 1812–1814 гг. В период правления

¹⁷ ПСЗ I. Т. XXXVII. № 28439.

Д. В. Голицына было много сделано для застройки послепожарной Москвы, восстановления всех сфер жизни города, включая торговлю, здравоохранение, улучшение дорог и мостов.

Комитет под председательством Д. В. Голицына, целью создания которого было выяснить налогоспособность населения, чтобы в дальнейшем повысить сбор налогов, просуществовал более четырех лет и был закрыт по положению Комитета министров 10 мая 1824 г. В конце 1822 г. он представил в Министерство внутренних дел проект «Положения о доходах и расходах Московской столицы» с подробными правилами применения каждой статьи. Доработав это положение, министерство передало его в Государственный совет, откуда оно поступило на утверждение императора. Выполнив поручение императора, комитет прекратил свою работу.¹⁸

Основным результатом его деятельности стало положение 13 апреля 1823 г. «О доходах и расходах Московской столицы».¹⁹ Оно устанавливало новый порядок взимания разных видов фискальных сборов, в том числе и с торговцев. Таких сборов было пять видов:

- 1) Сборы с городских недвижимых собственности.
- 2) Сборы с промышленности и промышленников.
- 3) Сборы с совершаемых частными людьми актов и публичной продажи.
- 4) Окладные доходы, предоставленные от казны и от общественных имуществ.
- 5) Разные случайные и непредвидимые доходы.

Рассмотрим далее пункты документа, имеющие отношение к регламентации торговли. В первом разделе «О сборах с обывателей, их домов и заведений» говорилось, что вместо поземельного, шестипроцентного и трехпроцентного сборов, со всех недвижимых имуществ следует взимать по полупроценту по оценке, проведенной в 1821 г. вышеупомянутым «Комитетом для рассмотрения доходов и расходов».

Учитывая местоположение дома, лавки, и приносимый ими доход, назначался оклад обложения, который мог составлять 6, 7, 10 или 12%. Отдаваемые внаем здания в среднем облагались так: дома, лавки при домах, кузницы, места и огороды (то есть недвижимость коммерческого использования) за Земляным валом по 10%; лавки, не принадлежащие к домам (то есть отдельно стоящие), – по 7%; места и огороды от центра города до Земляного вала – по 6%; бани частных людей (партикулярные) – по 12%; лавки при банях – по 7%. Повышенное обложение устанавливалось в отношении церковных зданий – «лавки, палатки, анбары, цирюльни и самые дома при разных церковных зданиях устрояемые и духовным ведомством внаймы отдаваемые» – по

¹⁸ ПСЗ I. Т. XXXIX. № 29904.

¹⁹ ПСЗ I. Т. XXXVIII. № 29423.

15%. С трактиров, ресторанов и тому подобных заведений следовало продолжать брать акциз по положению 1806 г.

Но если здания не отдавались внаем, то оценивались по минимальной ставке. От оценочного сбора были вовсе освобождены самые бедные жители, чьи дома стоили не более 1000 руб., недвижимые имущества некоторых категорий крестьян и помещиков за Камер-Коллежским валом, монастырские и архиерейские подворья и др.

По расценкам же 1806 г., фактическим оставшимся неизменными и в 1816 г., платили акцизы лица, ведущие лавочную и разносную торговлю. Заплативший акциз получал квитанцию, после чего он мог приступить к торговле. Не оплативший вовремя акциз торговец подвергался штрафу в размере двойного размера акциза. Надзор за своевременной оплатой акциза московскими торговцами возлагался на полицию и на рядских старост, которые в случае неплатежа каким-либо торговцем акциза заставляли его отвечать за неуплату своим имуществом.

Отдельные пункты положения 1823 г. были посвящены обложению ренсковых погребов: 250 руб. в год в Китай-городе, 200 руб. в Белом городе, 100 руб. до Земляного вала, 50 руб. за Земляным валом. По местоположению в разных частях города устанавливался также тариф в отношении огородов и постоянных дворов. За постоянные дворы в Китай-городе и Белом городе следовало платить акциз по 100 руб., в Земляном городе и далее – по 50 руб. За огороды, располагавшиеся до Земляного вала, – по 80 руб., а за Земляным валом – по 40 руб.

Заключение

Как показывает анализ законодательства о торговле в Москве, в конце XVIII – первой четверти XIX в. политика властей была нацелена на увеличение массы собираемых налогов. Усиление налогового бремени на купечество и торгующих крестьян было чуть ли не главным инструментом в этих действиях. Весь период конца XVIII – первой четверти XIX в. характеризуется бесконечным усилением фискальных повинностей купечества, апогеем чего стала реформа Е. Ф. Канкрин.

В хронологии развития законодательства можно выделить несколько ключевых процессов и актов, которые позволяют разделить его на периоды: 1) становление систематического подхода к описанию в законах сословного статуса купечества, что было сопряжено с переходом от подушной подати к прямому налогообложению с 1775 г., и развитие этой тенденции в Городовом положении 1785 г. и законе 1794 г. о повышении сбора для вступления в гильдию; 2) Манифест 1807 г., зафиксировавший возросшую экономическую и социальную роль купечества; 3) закон 1824 г. «Об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний», содержащий подробное описание всех сторон коммерческого функционирования купечества.

После войны 1812 г. задачи восстановления хозяйства решались через взимание налогов, и это отразилось в создании четко градуированной детализированной шкалы налогообложения купцов и других групп населения, занимавшегося коммерческой деятельностью, ранее выделенных в отдельные группы налогоплательщиков в законодательстве Екатерины II и Павла I. В тексте законоположений фиксируется четкое определение рода занятий и прав проживавших в городе низших сословий. В законодательстве конца царствования Александра I очевидна сопряженность принципов налогообложения с фактором владения недвижимостью, и разделения этой недвижимости на используемую (сдаваемую внаем) в коммерческих целях и не сдаваемую внаем в коммерческих целях. Развитием законодательной практики стало введение ежегодного поземельного налога.

В конце XVIII – первой четверти XIX в. потребности фиска вызвали расширение социальной базы торговцев-налогоплательщиков через включение в нее торгующих крестьян. Несмотря на то, что разрешение крестьянской торговли внутри городского сообщества неизбежно порождало конфликт между купечеством и торгующим крестьянством, власти пошли на это рискованный шаг – интересы государственной казны были выше трений среди торгующих обывателей в борьбе за рынок.

Рост московского населения, происходивший в основном за счет притока оброчных крестьян-мигрантов из ближайших губерний, требовал достаточного снабжения горожан необходимыми товарами. Расширение пространства и форм торговли сопровождалось ее развивавшейся регламентацией, направленной в значительной степени на цели пополнения городского бюджета и стремлением получить максимальное поступление налогов с торгующего населения. В законодательстве, начиная с Устава г. Москвы 1799 г., отражено становление купеческого самоуправления через контроль разных областей торговли (торговля на рынках, торговля мясом, виноторговля) путем избрания общественных контролеров из числа граждан.

Изучение законодательства о торговле также показало, что в изучаемый период был установлен контроль за торговлей, который охватывал все стороны деятельности купечества и торгующих слоев мещанства и крестьянства, включая объем продаваемого товара, время и место торговли, надзор за весами, гирями и аршинами, за доброкачественностью продаваемого товара. При этом в законодательстве очевидна сопряженность размера налога на торговцев с местонахождением торговых мест в городском пространстве – спецификация налогообложения коммерческой деятельности показывает максимальное обложение торговли в Китай-городе как городском коммерческом ядре и уменьшение налогообложения от центра к окраинам в концентрически организованном зонировании налогообложения.

Все эти тенденции являются свидетельством того, что уже на рубеже XVIII – XIX в. происходила институционализация торговли, что следует считать одним из признаков становления внутреннего рынка.

Библиография

- Аксенов, А. И. 1988. *Генеалогия московского купечества XVIII в.: из истории формирования русской буржуазии*. М.: Наука.
- Варадинов, Н. В. 1858. *История Министерства внутренних дел*. Ч. I. СПб.: тип. Мин-ва внутренних дел.
- Вольтке, Г. С. 1901. *Право торговли и промышленности в России в историческом развитии. Доклад, читанный в заседании Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете 8 мая 1901 г.* СПб.: тип. В. Киршбаума.
- Голицын, М. Н. 1844. *Несколько слов в память незабвенного начальника*. М.: тип. С. Селивановского.
- Захаров, В. Н., Ю. А. Петров, М. К. Шацлло. 2006. *История налогов в России. IX – начало XX века*. М.: РОССПЭН.
- Козлова, Н. В. 1994. Гильдейское купечество в России и некоторые черты его самосознания в XVIII в. В кн. *Торговля и предпринимательство в феодальной России. К юбилею профессора русской истории Нины Борисовны Голиковой*. С. 214–229. М.: Археографический центр.
- Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы Всесоюзной дискуссии*. 1969. М.: Наука.
- Полное собрание законов Российской империи*. Собрание I (далее ПСЗ I).
- Рындзюнский, П. Г. 1958. *Городское гражданство дореформенной России*. М.: Наука.
- Сивков, К. В. 1954. Торговля в Москве. В кн. *История Москвы*. В 6 т. Т. 3. С. 256–291. М.: Изд-во Академии наук СССР.
- Цитович, П. П. 1891. *Учебник торгового права*. Киев; Санкт-Петербург: Н. Я. Оглоблин.
- Ulianova, G. 2009. *Female Entrepreneurs in Nineteenth-Century Russia*. London: Pickering & Chatto Publishers.

References

- Aksenov, A. I. 1988. *Genealogiia Moskovskogo kupechestva XVIII veka [The Genealogy of Moscow Merchants in the Eighteenth Century]*. Moscow: Nauka.
- Golitsyn, M. N. 1844. *Neskol'ko slov v pamiat' nezabvennogo nachal'nika [A Few Words in Memory of the Remarkable Chief]*. Moscow: tip. S. Selivanovskogo.

- Kozlova, N. V. 1994. "Gil'deiskoe kupechestvo v Rossii i nekotorye cherty ego samosoznaniia v XVIII v. [The Guild Merchants in Russia, and Some Peculiarities of Their Consciousness]." In *Torgovlia i predprinimatel'stvo v feodalnoi Rossii. K iubileiu professora russkoi istorii Niny Borisovny Golikovoi* [Trade and Entrepreneurship in Feudal Russia. To the Jubilee of the Professor of Russian History Nina Borisovna Golikova]. P. 214–229. Moscow: Arkheograficheskii centr.
- Perekhod ot feodalizma k kapitalizmu v Rossii. Materialy Vsesoyuznoi diskussii* [The Transition from Feudalism to Capitalism in Russia. The Materials of All-Union Discussion]. 1969. Moscow: Nauka.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire] (PSZ). First series (1649–1825) in 45 vols. St. Petersburg, 1830–1843.
- Ryndziunskii, P. G. 1958. *Gorodskoe grazhdanstvo doreformennoj Rossii* [The City Citizenship in the Pre-reform Russia]. Moscow: Nauka.
- Sivkov, K. V. 1954. "Torgovlja v Moskve [Trade in Moscow]." In *Istoriia Moskvy* [A History of Moscow]. In 6 vols. Vol. 3. P. 256–291. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR.
- Tsitovich, P. P. 1891. *Uchebnik torgovogo prava* [Textbook of Trade Law]. Kiev; St. Petersburg: N. Ia. Ogloblin.
- Ulianova, G. 2009. *Female Entrepreneurs in Nineteenth-Century Russia*. London: Pickering & Chatto Publishers.
- Varadinov, N. V. 1858. *Istoriia Ministerstva vnutrennikh del* [History of the Ministry of Internal Affairs]. Vol. I. St. Petersburg: Tip. Min-va vnutrennikh del.
- Voltke, G. S. 1901. *Pravo torgovli i promyshlennosti v Rossii v istoricheskom razvitii. Doklad, chitannyi v zasedanii Yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete 8 maia 1901 g.* [The Trade and Industry Law in Russia in Historical Development. A Report Presented to the Law Society Meeting at the Imperial St. Petersburg University on May 8, 1901.] St. Petersburg: tip. V. Kirshbauma.
- Zakharov, V. N., Iu. A. Petrov, M. K. Shatsillo. 2006. *Istoriia nalogov v Rossii. IX – nachalo XX veka* [A History of Taxes in Russia. IX – Early XX Centuries]. Moscow: ROSSPEN.

Об авторе

Галина Николаевна Ульянова – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.